
ИДЕИ И ПРАКТИКА

А.А. НОСИКОВ*

СОПРЯЖЕНИЕ СЕТЕВОГО ПРОСТРАНСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ИНТЕРФЕЙСЫ, ВЫЗОВЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИЗАЙНЫ

Аннотация. Автор анализирует феномен сопряжения сетевого пространства и политической реальности, экстраполируя сетевой подход на общественно-политический процесс в целом. Выделяются четыре основных интерфейса (публичное пространство, институциональные выходы, акции прямого действия, радикальное действие) взаимодействия сетевого пространства и политической системы. Обосновывается значимость «феномена сопряжения» как детерминанты современного политического процесса, идентифицируются основные индикаторы сопряжения, предвещающие значительные изменения политического ландшафта. В заключение автор указывает как на риски сопряжения, новые вызовы для существующих политических институтов, так и на появление новых окон возможностей для модернизации общественно-политических институтов, на основе чего и происходит моделирование восьми политических дизайнов, вытекающих из условий сопряжения.

Ключевые слова: цифровизация; политические сети; сетевая публика; политическая коммуникация; политическое управление; гражданское общество; Интернет.

Для цитирования: Носиков А.А. Сопряжение сетевого пространства и политической реальности: интерфейсы, вызовы и политические дизайны // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 92–116. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.04>

* **Носиков Андрей Андреевич**, кандидат политических наук, независимый исследователь, e-mail: a.a.nosikov@gmail.com

Экспозиция: постановка исследовательской проблемы

Предтечами теории политических сетей являются организационные теории. Изначально политические сети рассматривались как способ описания взаимодействий акторов в определенных подсистемах политики. В 70–80-х годах XX в. в Великобритании развивался концепт «политического сообщества» (policy community), согласно которому выработка и формирование политики происходят в сегментированных подсистемах: политические решения разрабатываются, принимаются и имплементируются множеством взаимопроникающих организаций [Richardson, Jordan, 1979, p. 43], которые и формируют политические сообщества [Ibid., p. 73], построенные на обменных отношениях, постоянной коммуникации между акторами, чувстве «сообщества», а также обладают набором общих интересов [Jordan, Richardson, 1987]. При этом политические сообщества имеют относительно четко определенные границы [Thatcher, 1998, p. 391]. Параллельно с этим в США разрабатывается концепция проблемных сетей (issue networks) [Heclo, 1978 a; Jordan, 1990], которые состоят из большого числа квалифицированных «политических активистов», являющихся выходцами из традиционных групп интересов, секторов правительства, а также из академических кругов или определенных профессиональных областей, независимыми экспертами [Heclo, 1978 b, p. 103]. В отличие от политических сообществ, состав участников проблемных сетей постоянно изменяется, а степень взаимных обязательств и степень взаимозависимости варьируется [Heclo, 1978 b, p. 102].

Уже на этом этапе можно наблюдать, как теория политических сетей успешно приспосабливается к усложнению политической жизни и увеличению числа акторов общественно-политических процессов. И на протяжении 80–90-х годов XX – начала XXI в. политические сети рассматриваются, главным образом, как набор относительно стабильных взаимоотношений, которые имеют неиерархический и взаимозависимый характер и объединяют множество акторов, разделяющих общие интересы в политике, а также коммуницируют, обмениваются ресурсами, информацией для реализации этих общих интересов, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей [Börzel, 1998, p. 254].

Данная дефиниция справедлива и по сей день, однако основным изменением является увеличение числа акторов общественно-политических процессов, обусловленное технологическим прогрессом, позволившим посредством сети Интернет (главным образом посредством Web 2.0 сервисов и приложений) осуществлять политическую коммуникацию новыми способами, создавая условия для инициализации политических сетей обычным гражданам с минимальными издержками и в реальном времени. С распространением новых форм общественных коммуникаций посредством сети Интернет люди получили возможность создавать группы поддержки и политические союзы в интерактивном режиме, открывая для себя новые способы объединения для сопротивления властным институтам [Рейнгольд, 2006, с. 16–17] или же, наоборот, для выработки совместных решений путем сотворчества и сотрудничества. Таким образом, актуальные цифровые коммуникативные технологии детерминируют возникновение новых форм сосуществования и сопричастности сообществ, что потенциально способно кардинальным образом модифицировать существующую политическую реальность [Шваб, 2018, с. 75].

Следует выделить ряд основополагающих теорий, анализирующих политические сети в контексте расширяющихся возможностей политического участия посредством коммуникативного действия [Habermas, 1984] граждан. Во-первых, это концепция «глобальной деревни» М. Маклюэна [Маклюэн, 2004; Маклюэн, 2007], теория сетевого общества [Кастельс, 2016], концепция «умных толп» [Рейнгольд, 2006], теория мониторинговой демократии Д. Кина [Кин, 2015].

Однако все эти исследования относятся к 2000–2010-м годам, когда сетевые коммуникации еще не столь плотно вошли в повседневную жизнь граждан, а процесс распространения сети Интернет лишь начинался: так, с декабря 2000 г. до сентября 2010 г. доля интернет-пользователей в мире увеличилась с 5,8 до 28,8% от популяции, тогда как в течение следующего десятилетия (2010–2020), к декабрю 2020 г., численность пользователей сети Интернет достигла 64% от общемировой популяции¹ (при этом в развитых и развивающихся странах данный показатель значительно

¹ Internet growth statistics // Internet World Stats. – Mode of access: <https://www.internetworldstats.com/emarketing.htm/> (accessed: 22.04.2021).

выше, например в США – 89,8%¹, в РФ – 80,9%²). Кроме того, Web 2.0 как принцип проектирования и функционирования платформ, сервисов и приложений, предполагающий сетевые интеракции пользователей, которые посредством сетевой коммуникации наполняют сеть продуктами своего творчества (либо коллективного сотворчества)³, стал доминирующим лишь в минувшем десятилетии. Поэтому сейчас, в 2020-х, имеет смысл еще раз «сверить часы» и осмыслить процессы трансформации общественно-политических практик с учетом возросших технологических возможностей граждан для осуществления политических сетевых интеракций посредством цифровых информационно-коммуникативных технологий.

Стоит отметить, что концепция политического дизайна призвана выявить основополагающие закономерности и логику политического процесса, несмотря на всю хаотичность взаимодействий множества акторов и институтов в процессах выработки политики [Schneider, Ingram, 1997, p. 68–80]. Центральное место в концепте политического дизайна – это представление о том, что каждая политика содержит дизайн – структуру идей и инструментов, которая должна быть идентифицирована и проанализирована. Иными словами, политический дизайн – это система, состоящая из множества идентифицируемых элементов: целей, идей, целевых групп, акторов, инструментов, правил, институтов, обоснований, допущений и так далее [Fischer, Miller, 2006, p. 84]. Диверсификация, в свою очередь, способна снизить возможные риски в том случае, если какой-либо политический дизайн (или дизайны) перестанет отвечать изменившимся приоритетам или запросам, что, в условиях нелинейной динамики, может происходить достаточно часто и стремительно. При этом в условиях нелинейности утратившие свою актуальность политические дизайны через какое-то время могут стать снова актуальными.

¹ Internet Users and 2020 Population in North America // Internet World Stats. – Mode of access: <https://www.internetworldstats.com/stats14.htm#north> (дата посещения: 22.04.2021).

² Internet in Europe // Internet World Stats. – Mode of access: <https://www.internetworldstats.com/stats4.htm#europe> (accessed: 22.04.2021).

³ O'Reilly T. What is web 2.0. // O'Reilly Media, Inc. – Mode of access: <http://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (accessed: 25.04.2021).

Сопряжение как детерминанта современного политического процесса: изменения политического ландшафта

Вследствие распространения относительно дешевых и доступных средств осуществления сетевой коммуникации возникает сетевое пространство – как совокупность современных информационно-коммуникативных технологий, в особенности Web 2.0-площадки, сервисов и приложений, за которыми стоит множество реальных пользователей [Носиков, 2020, с. 76–77]. С одной стороны, по аналогии с публичной сферой Ю. Хабермаса, простейшей и первоначальной моделью которой являлась общая для всех свободных граждан сфера древнегреческого полиса, а публичная коммуникация осуществлялась на рыночных площадях в форме публичных бесед, обсуждений и судов [Хабермас, 2016, с. 49–53], сетевое пространство представляет собой общее и открытое для всех граждан пространство для осуществления коммуникаций в реальном времени, независимо от каких-либо физических границ и с минимальными издержками. С другой стороны, сетевое пространство является инструментальным воплощением идей делиберативной демократии, основная идея которой заключается в интуитивном идеале демократической ассоциации, условия и сроки которой обосновываются публичными аргументами равных граждан [Cohen, 1989, p. 17–34].

Таким образом, сетевое пространство делает некоторые идеальные теоретические модели реальностью. Возникает идеальная публичная сфера, где отсутствуют физические границы, а осуществление политической коммуникации (и что самое важное – возможность для кооперации и формирования политических сетей) становится реализуемым в режиме реального времени и с минимальными издержками: формируются условия для взаимодействия обычных граждан, государственной, муниципальной власти, СМИ, политических партий, бизнеса, НКО, а также множества иных акторов в едином публичном пространстве, делающем возможным взаимодействие каждого с каждым. Вместе с этим возникает сетевая публика как часть гражданского общества, которая активно эксплуатирует телекоммуникационную сеть Интернет, в том числе Web 2.0-площадки, приложения и сервисы для осуществления политической коммуникации.

Сам же термин «сопряжение» имеет две трактовки. Первая – сущностная, раскрывает феномен сопряжения как процесс, характеризующийся взаимовлиянием и взаимозависимостью протекающих в областях сетевого пространства и политической реальности явлений. Вторая трактовка – метафорическая, отсылающая нас к произведениям А. Сапковского, где мифология мироздания выстраивалась вокруг так называемого «сопряжения сфер» (мира человеческого и мира фантастического), вследствие которого мир наводнили различные причудливые существа, с которыми людям приходилось учиться сосуществовать. На мой взгляд, эта метафора как нельзя лучше описывает сложившуюся ситуацию с точки зрения современного истеблишмента: практически во мгновение (поскольку для человеческой истории и глобального политического процесса минувшие 20–30 лет цифровой экспансии сопоставимы со шелчком пальцев) политическую реальность наводняет невообразимое количество акторов, прямое участие которых в публичной политической жизни ранее невозможно было даже вообразить, а само публичное пространство, как было отмечено в предыдущей части статьи, становится единым и легкодоступным для любого и каждого.

Но сосредоточимся главным образом на сущностном подходе. Взаимовлияние и взаимозависимость сетевого пространства и политической реальности можно охарактеризовать рядом изменений политического ландшафта.

1. Увеличение численности акторов, вовлекающихся в общественно-политические процессы посредством единого доступного для всех цифрового публичного пространства. Происходит формирование сетевых гражданских союзов, коалиций, сетевых партий и т.д.: возникают новые сетевые структуры, преследующие свои политические интересы и влияющие на общественно-политическую повестку дня, используя инструменты цифровой коммуникации. Всё большее количество граждан вовлекаются в акты политической коммуникации посредством Web 2.0-площадок, сервисов и приложений. Примерами тому может служить возникновение таких явлений общественно-политической жизни, как сетевые гражданские союзы, движения (ФБК), мониторинговые акторы (Диссернет), киберпартии (Movimento 5 Stelle, Tea Party, Пиратская Партия России и другие), которые базируются на сете-

вой кооперации граждан посредством Web 2.0-сервисов и приложений.

2. Увеличение политической информации и политического предложения вследствие сотворчества сетевой публики, активно наполняющей публичное сетевое пространство продуктами своей политической деятельности. Развитие и распространение стандарта Web 2.0 приводит к коммуникационному изобилию, трансформирующему архитектуру общества и политики: формируется технологически единая медиасистема, в которой продукты и процессы создаются, эволюционируют и распространяются на разнообразных платформах, способствуя поддержанию дифференциации политической информации и информационному плюрализму [Кастельс, 2016, с. 92].

3. Увеличение политической конкуренции и вариативности. По сути является следствием предыдущих двух пунктов. Сетевизация предполагает увеличение числа участников политических отношений, что, в свою очередь, приводит к значительному увеличению вариативности политической картины мира. Происходит общее расширение политического пространства. Вследствие вовлечения в общественно-политические процессы значительного количества новых сетевых акторов происходит рост политического предложения, что, в свою очередь, приводит к увеличению политической конкуренции и интенсификации политической жизни в целом.

4. Электоральное взаимовлияние. Здесь в качестве доказательной базы можно использовать как зарубежный опыт, указывающий на способность мобилизации значительных электоральных пластов посредством сетевого инструментария (президентские выборы в США, Brexit [Hall et al., 2018], и т.д.), так и отечественную практику. Так, в ходе своей диссертационной работы [Носиков, 2020, с. 77–78, 259–261] мной была обнаружена обратная корреляция между явкой на выборах в Государственную думу РФ в электоральном цикле 2016 г.¹ и числом активных пользователей Web 2.0

¹ Выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации седьмого созыва // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=1&vrn=100100067795849®ion=0&prver=0&prone tvd=0> (дата посещения: 24.04.2021).

платформ, приложений и сервисов в регионах РФ¹: чем выше численность граждан, активно использующих Web 2.0-сервисы, приложения и площадки в субъекте РФ, тем ниже оказывалась явка. И наоборот: в тех субъектах РФ, где численность граждан, активно пользующихся инструментарием сетевой коммуникации, была ниже, явка оказывалась значительно выше.

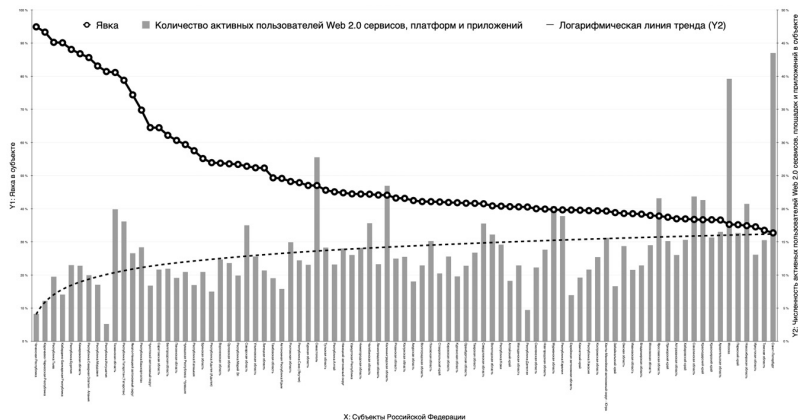

Рис. 1.

Обратная корреляция между явкой на выборах в Госдуму в электоральном цикле 2016 г. и числом активных пользователей Web 2.0-платформ, сервисов и приложений в субъектах РФ

При этом важно отметить, что данная обратная корреляция не будет прослеживаться в том случае, если мы будем сравнивать не совокупное количество активных пользователей Web 2.0-сервисов (VK, Instagram, Facebook, Twitter, LiveJournal, Мой Мир) в субъекте, а общее число домохозяйств в регионе, пользующихся сетью Интернет.

¹ По состоянию на сентябрь 2016. По данным Brand Analytics: Статистика социальных сетей // Brand Analytics. – Режим доступа: <https://br-analytics.ru/statistics/am> (дата посещения: 24.04.2021).

5. Сетевое пространство способствует **вовлечению в процессы политического участия «цифровых» поколений** – Y и Z. Как следствие, принципы плюрализма мнений, всеобщей публичности и кооперации, являющиеся основой Web 2.0-пространства и ставшие частью культурного кода для этих поколений и сетевой публичности в целом, переносятся из сетевого пространства в плоскость политической реальности¹.

6. **Становление сетевого пространства в качестве информационной доминанты** в плоскости общественно-политических отношений. Интерактивная природа новых методов распространения информации изменила традиционную для массмедиа вещательную модель коммуникации (характеризуемую прежде всего линейностью, т.е. от коммуникатора, источника информации, к получателю информации, не имеющему возможности осуществить обратную связь) [Гатов, 2016, с. 208]. Принципы функционирования Web 2.0-платформ, сервисов и приложений уничтожили монополию мейнстрим-медиа на генерацию контента и его дистрибуцию, произошла замена дискретной модели распространения информации на потоковую, предполагающую возникновение информационных потоков по желанию потребителя [Гатов, 2016, с. 209]. По мере отдаления от редактируемых, курируемых средств массовой информации в сторону поисковиков и социальных медиа возрастает потенциальная вариативность картины мира [Цукерман, 2014].

Согласно актуальным социологическим данным² наблюдается поколенческое расхождение в уровнях потребления политической информации и источниках ее потребления: пожилое поколение

¹ *Омельченко Е.* Новые митингующие: управляемой и скучной толпы уже не будет // РБК. – Режим доступа: http://www.rbc.ru/spb_sz/27/03/-2017/58d91ffc9a7947f2ae7eca1 (дата посещения: 25.04.2021); *Гранина Н., Чеповская А.* Что стоит за протестной активностью юных россиян // Лента. Ру. – 2017. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2017/03/28/protest/> (дата посещения: 25.04.2021); *Тумакова И.* Навальный и «непоротое поколение» // Фонтанка. ру. – Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2017/03/27/002/> (дата посещения: 25.04.2021).

² *Источники новостей и доверие СМИ* // Фонд Общественное Мнение. – Режим доступа: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170/> (дата посещения: 12.03.2021); *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиаландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети // Левада-центр. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/08/01/21088/> (дата посещения: 13.03.2021).

охотнее потребляет (и доверяет) новостную информацию посредством телевидения, тогда как молодежь предпочитает сетевые источники новостной и политической информации.

В любом случае, несмотря на возможные причины сложившейся ситуации, вследствие технологической экспансии явно вырисовывается поляризация двух противоположных политических картин мира: картина, формируемая телевидением, и картина, формируемая сетевым пространством. И в этот раз это не просто конфликт отцов и детей или поколенческие противоречия: «цифровая межа» разделяет тех, кто умеет пользоваться современными информационно-коммуникативными средствами (а также эксплуатировать их в целях кооперации), и тех, кто несведущ в этом [Рейнгольд, 2006, с. 8].

7. Деконструкция спирали молчания. Вследствие возросших возможностей сетевой кооперации граждан посредством сети Интернет также нивелируется феномен «спирали молчания», предоставляя расширенную возможность гражданину находить политических единомышленников посредством сетевого пространства.

Даже если прежде какие-либо политические взгляды или идеологические установки индивида считались маргинальными и были порицаемы в традиционном «досетевом» обществе, то сегодня, благодаря всеобщей сетевизации, индивид способен найти сторонников или же целые комьюнити, разделяющие его взгляды. Или же создать свое комьюнити и приступить к поиску последователей в Сети.

В качестве примера деконструкции спирали молчания можно привести эмпирически установленный ренессанс крайнего неонацизма посредством сетевого пространства в США [Berger, 2016, р. 3–5] и Германии [Glaser, 2014, р. 3], а также становление ИГИЛ¹ в качестве сетевой идеологической франшизы. Отмечая особые успехи ИГИЛ в области сетевой экспансии [Berger, Morgan, 2015], А. Hoffman и У. Schweitzer даже ввели специальный термин – «Киберджихад» (cyber jihad), обозначающий использование технических средств в сетевом пространстве с целью пропаганды радикального джихада против тех, кого его последователи называют врагами ислама [Hoffman, Schweitzer, 2015].

¹Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

Интерфейсы, или Как сети способны взаимодействовать с политической системой

Если мы примемся рассматривать хоть сколько-нибудь значимые прецеденты массового вовлечения сетевой публики в конкретные политические кейсы, то увидим, что все эпизоды имеют чрезвычайно схожий паттерн взаимодействий с политической системой. По сути, речь идет об унификации интерфейсов взаимодействия сетевой публики и политической системы. Интерфейс в данной статье понимается наиболее широким образом – как совокупность методов и средств для обеспечения взаимодействий между системными элементами [Сергеев, Падерно, Назаренко, 2011, с. 9], с условием, что под системой в данном случае понимается политическая система.

Первый интерфейс – это публичное политическое пространство. Любая политическая сеть первоначально формируется вокруг совместных политических целей, задач, интересов. Также стимулом для образования новой политической сети может стать какой-либо продукт политической деятельности: идея, концепция или просто побуждающее к политическому действию событие-драйвер. В качестве примера формирования публичных политических сетей на базе Web 2.0-сервисов как реакции сетевой публики на какое-либо событие-драйвер можно привести становление сетевого движения против решения администрации Санкт-Петербурга о передаче Исаакиевского собора РПЦ. В качестве еще одного примера формирования политических сетей в Web 2.0-среде как реакции на какое-либо политическое событие можно привести протесты 2011–2013 гг. «За честные выборы!».

После формирования политической сети в Web 2.0-среде она начинает свое функционирование. Одними из основополагающих функций политических сетей в Web 2.0-среде является трансляция, тиражирование и распространение выгодного сетевой публике политического продукта посредством осуществления медийных интеракций с публичным пространством. Посредством сетевого информационного краудсорсинга, когда каждый из членов сети выступает в качестве ретранслятора для дальнейшей передачи политической информации далее, в остальные сегменты сетевого пространства, происходит распространение выгодного сети политического продукта (или рекрутинг новых членов сети,

или краудфандинг ресурсов). В конечном итоге посредством интерфейса публичного пространства сеть способна не только влиять на политическую повестку дня, привлекать ресурсы и расширяться, но и воздействовать на политическую культуру и политические ценности в долгосрочной перспективе. В случае если на данном этапе сети посредством интерфейса публичного политического пространства удастся преобразовать сетевые активности в трансформацию реальности в соответствии со своими интересами, цели сети могут считаться достигнутыми.

Примером реализации сетевого краудсорсинга и краудфандинга в качестве субинтерфейса публичного пространства может служить президентская кампания А. Навального в 2017 г.: при помощи отправления сигналов в публичное пространство через сетевые структуры происходил рекрутинг новых волонтеров для кампании в различных субъектах Российской Федерации, а также сбор средств на проведение кампании посредством электронных пожертвований.

Второй интерфейс – это институциональные выходы, под которыми в рамках данной статьи понимаются: правовые институты, институт выборов и все многообразие государственных и негосударственных институтов, возможности включения в рамках институциональных правил в систему разработки и принятия политико-административных решений (к примеру, советы при органах государственной и муниципальной власти, различные общественные, наблюдательные советы и др.), механизмы e-governance [Сморгунов, 2015]. При благополучной эксплуатации институциональных выходов как интерфейса для взаимодействия с политической системой политическая сеть в состоянии трансформировать политическую реальность в соответствии со своими политическими интересами, целями и задачами или даже полноценно инкорпорироваться в политическую систему. Например: итальянское сетевое «Движение пяти звезд» достаточно стремительно трансформировалось в полноценную политическую партию, получив значительное количество мандатов палаты депутатов и итальянского Сената¹, а также сохраняя за собой значительное число мэрских кресел, в том числе мэра Рима.

¹ Archivio storico delle elezioni // Ministero dell'Interno. – Mode of access: <http://elezionistorico.interno.it/index.php?tpel=C&dtel=24/02/2013&tpa=I&tpe=A&lev=0&levsut0=0&es0=S&ms=S> (accessed: 19.03.2021).

В качестве неудачного примера использования цифровыми политическими сетями интерфейса институционального выхода можно привести уже упомянутое выше сетевое движение «За честные выборы!» 2011 г. Еще в декабре 2011 г. представителями партий «Яблоко» и КПРФ было подано около 250 исков в районные суды по поводу нарушений на выборах 2011 г.¹ Также около тысячи жалоб было подано в прокуратуру, МВД и Следственный комитет РФ представителями КПРФ и партии «Правое дело»². КПРФ направила обращение в Верховный суд РФ, содержащее требование признать прошедшие выборы недействительными в связи с выявлением грубых нарушений³. Так как интерфейс институционального выхода не давал удовлетворяющих гражданское общество и политических акторов результатов, сетевая публика приступила к организации посредством Web 2.0-пространства акций прямого действия, что впоследствии приведет к самым масштабным гражданским протестным акциям в истории современной РФ.

Таким образом, *третий интерфейс* – это акции прямого действия. В условиях, когда политическая система оказывается восприимчивой к акциям прямого действия, происходит трансформация политической реальности. Если же трансформации политической реальности не происходит, то высоковероятно, что акция прямого действия оказалась недостаточно эффективной для достижения политических интересов сети. Возможно, численность участников акции прямого действия оказалась недостаточной, а медийный охват оказался низким, или же интересы сети не находят поддержки у широких общественных масс. В случае реализации данного сценария сеть снова возобновляет эксплуатацию интерфейса публичного пространства, продолжая трансляцию в публичное пространство своего политического продукта, параллельно расширяясь, привлекая ресурсы, увеличивая престиж сети и ее мобилизационный потенциал с целью проведения последующих акций прямого действия, когда характеристики сети улучшатся.

¹ Караулова О. Пресса России: «Честные выборы» от Путина – Оппозиция проигрывает в судах // Русская служба ВВС. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2011/12/111229_rus_press.shtml#1 (дата посещения: 25.04.2021).

² Там же.

³ Верховный суд принял к производству обращение от КПРФ по поводу выборов // Независимая газета. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2008-06-04/4_kprf.html?id_user=Y (дата посещения: 25.04.2021).

Вместе с тем может возникнуть ситуация, когда политическая система систематически невосприимчива к акциям прямого действия (институциональные выходы неизменно неисправны либо вовсе отсутствуют, либо политическая система не реагирует на исходящие из публичного пространства сигналы и акции прямого действия по иным причинам). В этом случае происходит замыкание модели в цикле трансляции сетями своего политического продукта в публичное пространство, расширения, привлечения ресурсов, увеличения мобилизационного потенциала и последующих акций прямого действия. Данный сценарий может реализовываться, когда политическая система в принципе не приспособлена (под неприспособленностью в данном контексте понимается прежде всего низкое качество либо отсутствие институциональных механизмов взаимодействия общества с политической системой, общая низкая адаптивность институтов и органов государственной власти перед процессами цифровизации и сетевизации, пренебрежение методами публичного администрирования, недостаток политической ответственности власти перед обществом) к изменениям, детерминированным наступлением цифровизации и коммуникативного изобилия, таким как повышение вариативности и многообразия политической жизни общества, большему вовлечению гражданского общества в общественно-политическую жизнь посредством сетевых интеракций, увеличение политической конкуренции и так далее.

Таким образом, замыкание деятельности политических сетей в двух интерфейсах гипотетически способствует значительному увеличению политических рисков и возрастанию степени общей нестабильности политической системы и общества в целом (или же в некоторых случаях на локальных территориях), что подводит нас к выводам о необходимости наличия адекватных и исправных интерфейсов институционального выхода.

Самый наглядный и наиболее резонирующий кейс использования сетями всех интерфейсов представлен в работе В. Гонима (создателя и администратора Facebook-сообщества, ставшего местом формирования и координации будущей революции), описывающей и анализирующей феномен первой Facebook-революции 2011 г. в Египте.

Сперва граждане объединились в политическую сеть посредством Web 2.0-сервиса с целью публичного обсуждения положения

дел в их стране и публичной артикуляции своих политических требований (используется интерфейс публичного пространства) [Гоним, 2012, с. 82–94, 156].

Поскольку институциональной оппозиции в Египте не было, сетевой публикой была предпринята попытка выдвижения в качестве своего лидера и альтернативы действующему президенту Х. Мубараку М. эль-Барадеи. По прибытии в Египет эль-Барадеи был помещен под домашний арест египетскими властями¹ (неудачная попытка применения сетевой публикой интерфейса институционального выхода).

Наконец граждане посредством сети координируют мирные протестные акции прямого действия (интерфейс акций прямого действия) [Гоним, 2012, с. 95–106]. После каждой акции прямого действия сеть снова наращивала сторонников и потенциал, однако на каждую последующую акцию власти Египта отвечали насилием и эскалацией [Гоним, 2012, с. 234–278], что привело к переходу сетевой публики к четвертому интерфейсу (о теоретических причинах его возникновения будет более детально сказано далее) – интерфейсу насилия².

Также все три интерфейса были использованы и в иных, уже упомянутых выше, кейсах. Так, сетевое движение против решения администрации Санкт-Петербурга о передаче Исаакиевского собора в пользование РПЦ, после формирования в Web 2.0-среде и трансляции в публичное пространство своих требований, выдвигало делегатов (депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга) для переговоров с городской администрацией, подписывались и направлялись в адрес администрации многочисленные петиции и от имени профессионального сообщества, и от имени обычных горожан. И только после того, как публичная артикуляция требований и попытки разрешить вопрос посредством институциональных возможностей (заявка на проведение референдума по данному вопросу была отклонена властями) не принесли удовлетворяющего сетевую публику результата, она начала мобилизоваться для участия в протестных акциях прямого действия.

¹ Бывшего главу МАГАТЭ посадили под домашний арест // Lenta.ru – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2011/01/28/egypt3/> (дата посещения: 24.04.2021).

² В Каире идут бои между сторонниками и противниками Х. Мубарака // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/02/02/2011/5703e3019a79473c0df19d72> (дата посещения: 24.04.2021).

Аналогична ситуация и с антикоррупционными митингами 2017 г.: после выхода фильма-расследования, обвиняющего значимых российских чиновников в злоупотреблениях, сетевая публика сперва артикулировала свое возмущение в Web 2.0-среде посредством интерфейса публичного пространства, и только лишь после того, как Следственный комитет РФ отказался проводить проверку относительно изложенных в расследовании материалов (депутат Государственной думы от КПРФ В. Рашкин подал официальный запрос)¹, т.е. после того, как использование институционального выхода не дало результатов, сетевая публика приступила к использованию интерфейса акций прямого действия. Для этого граждане организовывались посредством более чем 100 сетевых сообществ на базе Web 2.0-сервисов². 26.03.2017 г. в 82 городах РФ состоялись различные акции прямого действия³. Самый многочисленный митинг состоялся в Москве, где, по разным оценкам, на улицы вышло от 7 до 25 тыс. человек, более тысячи задержано⁴. 12.06.2017 г. прошли очередные антикоррупционные протесты. Вследствие широкого общественного резонанса, обусловленного как отсутствием ответов от властей, так и масштабными задержаниями участников акций 26.03.2017 г., действующим в цифровой сетевой среде политическим сетям, используя интерфейс публичного пространства, удалось вовлечь новых сторонников. После того как новые сторонники были вовлечены посредством сетевых сообществ на базе Web 2.0-сервисов, политические сети вновь перешли к использованию интерфейса акций прямого действия.

¹ Генпрокуратура отказалась проверять фильм «Он вам не Димон» // BBC – Русская служба. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-40384085> (дата посещения: 25.04.2021).

² Единый день протеста против коррупции высших должностных лиц России – #26 марта // ВКонтакте. – Режим доступа: https://vk.com/wall-55284725_272730 (дата посещения: 25.04.2021).

³ Старшеклассники танцевали и смеялись среди полицейских кордонов // Коммерсантъ. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3254291> (дата посещения: 25.04.2021).

⁴ Сколько людей вышли на улицы 26 марта и сколько задержали? Карта протеста // Meduza. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/03/27/skolko-lyudey-vyshli-na-ulitsy-26-marta-i-skolko-zaderzhali-karta-protesta> (дата посещения: 25.04.2021).

12.06.2017 г. акции прошли уже в 154 городах РФ¹. Участие в акциях приняли от 50 тыс. до 98 тыс. граждан².

Ключевые вызовы и политические дизайны (заключение)

Чтобы более реалистично оценить риски и потенциальные позитивные изменения, вытекающие из условий сопряжения сетевого пространства и политической реальности, наиболее оптимальным является диверсифицированное моделирование возможных путей развития и политических дизайнов.

Первый из возможных политических **дизайнов** заключается в централизации и вертикализации системы государственного администрирования, как следствие защитной реакции государственной власти на экспансию и резкую интенсификацию сетевого политического участия гражданского общества.

При данных обстоятельствах политические и административные элиты воспринимают расширяющееся стремительными темпами сетевое пространство как враждебную среду. Наряду с этим сигналы и сообщения, исходящие от сетевой публики и транслируемые посредством интерфейса публичной среды, будут неминуемо восприниматься государственной властью как деструктивные, враждебные попытки дестабилизации, что в конечном итоге способно привести к внедрению авторитарных практик. В случае практической реализации данного политического дизайна возрастает вероятность возникновения цивилизационного и ценностного разрыва между властными институтами, оперирующими преимущественно архаичными методами вертикального управления, бюрократизации, централизации, избыточного контроля и общего недоверия к обществу, и гражданским обществом, самоорганизующимся и саморазвивающимся посредством инструментов сетевого взаимодействия. Исполнение данного сценария способно сформировать устойчивый конфликт между государст-

¹ 2 июня на улицы вышло больше людей, чем 26 марта. Карта протестов «Медузы» и «ОВД-Инфо». Самые полные данные // Meduza. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/06/13/skolko-lyudey-protestovali-12-iyunya-i-skolko-zaderzhalı> (дата посещения: 25.04.2021).

² Там же.

венной властью и гражданским обществом, таким образом критически повышая политические риски для политической системы.

Второй дизайн – это подавление государственной властью сетевых политических активностей граждан посредством принятия законодательных актов, направленных на строгий контроль над сетевым пространством, а также формирование и введение ряда запретительных и надзорных мер. В рамках данного дизайна государственная власть, так же, как и в случае первого дизайна, воспринимает сетевое пространство в качестве дестабилизирующего и враждебного по отношению к государству и государственной власти фактора.

Стоит отметить, что данный путь представляется малоперспективным, поскольку путем кооперации и сотворчества сетевая публика выработает новые технологии и решения для обхода выработанных государственной властью запретительных мер и во избежание государственного надзора в сети. При этом посредством вирального распространения в сетевом пространстве данные технологии в относительно краткосрочной перспективе способны стать новым стандартом Интернета, после чего с большой долей вероятности цикл повторится вновь.

Помимо всего прочего, из этого дизайна вытекают достаточно серьезные в среднесрочной и долгосрочной перспективе риски для политической системы. Так как высокоуровневые технологии анонимизации (например, Tor) позволяют сохранять крайне высокий уровень анонимности, этот сегмент сетевого пространства является высококриминогенной средой. Таким образом, вводя слишком строгие запреты и надзорные меры, государство косвенно вынуждает граждан эмигрировать из обычного Интернета в высококриминогенную среду с высоким уровнем анонимности, также побуждая граждан к правовому нигилизму.

Кроме того, процесс такого вытеснения части активной и политизированной сетевой публики в высокоанонимные сегменты сети впоследствии может привести к формированию там сетей с более высоким порогом входа (имеется в виду технический аспект), что в свою очередь будет способствовать самореферентности таких сетей, а также их обособленности от остального публичного политического пространства. Обособленность данных сетей может привести к уменьшению вероятности для конструктивного внутрисетевого диалога внутри таких сообществ, а ограниченность

внешних коммуникаций в свою очередь будет негативно влиять на способность таких сетей к сетевому сотворчеству вследствие недостаточного притока новых акторов и идей. Однако вследствие высокой плотности таких сетей (повышенный порог входа обуславливает относительно небольшую численность, сниженную текучесть и пониженную публичность, что в свою очередь обуславливает высокую плотность сети) и вышеперечисленных факторов такие самореферентные политические сети являются благоприятной средой для формирования радикальных идей и настроений. Высокая плотность сетей, в свою очередь, способствует повышению мобилизационного потенциала. Таким образом, возникает опасность трансформации таких политических сетей в радикализованные сетевые ячейки.

Также крайней формой реализации данного политического дизайна может стать наступление сетевого авторитаризма, когда власть не только контролирует сеть на подконтрольной ей территории на инфраструктурном и техническом уровнях, но и фильтрует, цензурирует распространяемую в сети информацию с целью контроля над населением, а также осуществляет надзор за населением посредством сетевого инструментария.

Третий дизайн предусматривает создание и ресурсную поддержку государственной властью собственных политических сетей, которые могут инструментально эксплуатироваться государственной властью для трансляции в публичное пространство благоприятного и выгодного для власти политического продукта. В случае практической реализации данного политического дизайна представляются возможными две модели развития событий.

Первая модель предполагает, что инициализированные государственной властью политические сети в конечном итоге окажутся «симулякром» [Бодрийяр, 2013], а производимый и транслируемый ими в публичное сетевое пространство политический продукт окажется неконкурентоспособным в условиях возросшей сетевой политической конкуренции (или попросту малопривлекательным для сетевой публики). В случае воплощения в жизнь первой модели высока вероятность того, что государственная власть в конечном итоге окажется невосприимчива к сигналам и запросам, исходящим от других политических сетей и сетевой публики, при этом ориентируясь преимущественно на сигналы собственных сетей-симулякром. Последствия реализации данного

сценария носят катастрофический характер: в конечном итоге государственная власть рискует потерять контакт с реальностью и стать невосприимчивой к действительным запросам гражданского общества.

Вторая модель развития событий предполагает интенсификацию конкурентной борьбы между сетями гражданского общества и инициализированными государственной властью политическими сетями. В ходе реализации данной модели возможен переход к открытой конфронтации между сетями гражданского общества и инициализированными государственной властью политическими сетями. При этом такое противоборство способно разворачиваться как в ценностно-идеологической плоскости, так и в вопросах конструирования и реализации сценариев общественно-политического развития.

Четвертый политический дизайн предполагает взаимный контроль и участие сетевой публики и власти: умеренную политическую конкуренцию между государственной властью и сетевой публикой, в ходе которой государственная власть подвергается гражданскому контролю и надзору со стороны гражданского общества посредством цифрового инструментария. Данный политический дизайн имеет схожие черты с концепцией мониторинга демократии Д. Кина, заключающейся в контроле и надзоре гражданского общества за деятельностью государственных структур и политического истеблишмента посредством всевозможных внепарламентских механизмов контроля [Кин, 2015, с. 109]. При этом данные механизмы контроля и надзора предусматривают также широкое применение сетевого инструментария при активном использовании интерфейсов публичного пространства и институционального выхода.

Пятый политический дизайн предусматривает планомерную модернизацию практик и методов государственного управления с целью обеспечения адаптивности государства перед запросами сетевой публики и гражданского общества в целом посредством налаживания интерфейсов взаимодействия между сетевым пространством и государством. Данный политический дизайн позволяет конвертировать такие свойства политических сетей, как сотворчество, синергия, самоорганизация в политико-административные решения с высокой степенью общественной поддержки и повышенной степенью согласования интересов.

Основопологающей задачей данного дизайна выступает проектирование новых, а также контроль за работоспособностью существующих, альтернативных интерфейсу протеста, интерфейсов взаимодействия государства и сетевого пространства.

Шестой возможный **политический дизайн** – это внедрение практик data driven governance (соуправление, основанное на данных). Data driven governance является развитием концепта data driven policy making, предполагающим государственное управление, основанное на агрегации и машинном анализе больших данных, прежде всего статистических, которые впоследствии используются для определения существующих проблем и выработки путей развития. Но что будет, если заменить линейные статистические данные данными, считываемыми из динамичного и нелинейного сетевого пространства?

Седьмой дизайн предполагает, что политическая система станет на путь всеобъемлющего и беспрекословного следования сетевой логике. При реализации данного политического дизайна возможно два сценария развития событий. Первый сценарий – это переход общества к состоянию перманентной «войны всех против всех» [Гоббс, 1991]. Второй возможный сценарий, обусловленный данным политическим дизайном, – это возникновение признаков охлократии.

Восьмой политический дизайн является противоположностью пятого: институты не только не адаптируются к условиям сопряжения, но и деградируют в целом (понижается прозрачность институциональных практик, снижается доверие граждан к институтам, наблюдается гипербюрократизация и так далее), что приводит к неработоспособности функционирующих институциональных выходов. В этих условиях все описанные в части 3 интерфейса становятся практически неработоспособными с точки зрения их возможности влияния на функционирование политической системы. Таким образом, затрудняется инкорпорация запросов сетевой публики в политическую повестку дня, а также становится невозможным представительство сетевой публики в рамках функционирующих демократических институтов. В условиях неработоспособности институциональных выходов сначала может произойти интенсификация акций протестных действий. В случае если протестные акции также не приводят к изменению политической реальности или вовсе воспринимаются властью не как

ненасильственный способ выражения своих политических требований гражданами в условиях демократического государства, а как враждебные попытки дестабилизации (см. политический дизайн 1) с последующими репрессивными мерами по отношению к участникам акций прямых действий, то протест может действительно радикализироваться, не имея других способов влияния на политическую реальность. Таким образом, в условиях неработоспособности институциональных выходов и общей деградации демократических политических институтов может произойти формирование еще одного, **четвертого, интерфейса** между политической реальностью и сетевым пространством, **интерфейса радикальных действий**. Политический дизайн, включающий в себя использование интерфейса радикальных действий сетевой публикой, является крайней формой накопившихся в обществе противоречий, самым опасным и нежелательным дизайном, несущим наибольшие риски для всего общества.

Стоит отметить, что с практической точки зрения в наибольшей степени оптимальным решением представляется применение политических дизайнов, способствующих использованию политической системой таких свойств политических сетей, как соучастие, сотворчество и самоорганизация с целью обеспечения наибольшей результативности в процессах выработки и реализации различных путей и сценариев развития. Также стоит избегать тех путей развития, которые несут в себе значительные для функционирования общества, государства и политической системы в целом риски.

Следовательно, политические дизайны 8, 3, 2, 1 малоперспективны, поскольку несут в себе существенные издержки и риски. Седьмой политический дизайн также несет в себе фатальные риски, вследствие чего является малопривлекательным с точки зрения его практической реализации.

Можно заключить, что стратегия диверсифицированной реализации политических дизайнов 4, 5 и 6, в том числе их гибридизация, представляется наиболее удачным решением, одновременно использующим те свойства сетевого пространства, которые гипотетически способны привести позитивные изменения и защитить политическую систему от множественных рисков, детерминированных условиями сопряжения.

A.A. Nosikov*

Connecting network space and political reality: interfaces, challenges, and political designs

Abstract. Extrapolating the network approach to the socio-political process as a whole, the article analyzes the phenomenon of connection of network space and political reality, characterized by the mutual influence and interdependence of the phenomena occurring in both areas. There are four main interfaces (public space, institutional outputs, direct action, radical action) of interaction between the network space and the political system. The author substantiates the significance of the phenomenon of connection as a determinant of the modern political process, identifies the main indicators of connection, anticipating significant changes in the political landscape. In conclusion, the author points out both the risks of connection, new challenges for today's political institutions, and the emergence of new windows of opportunities for the modernization of socio-political institutions. Nine political designs are modeled based on conjugation connection.

Keywords: digitalization; political networks; online public; political communication; governance; civil society; Internet.

For citation: Nosikov A.A. Connecting network space and political reality: interfaces, challenges, and political designs. *Political science (RU)*. 2019, N X, P. 92–116. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.04>

References

- Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Tula : Tula polygraphist, 2013, 204 p. (In Russ.)
- Berger J.M. *Nazis vs. ISIS on Twitter. A comparative study of White Nationalist and ISIS online social media networks*. GW Program on Extremism, 2016, 31 p. Mode of access: https://extremism.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs2191/f/downloads/Nazis%20v.%20ISIS.pdf?utm_source=fbia (accessed: 05.07.2021).
- Berger J.M., Morgan J. *The ISIS Twitter Census*. The Brookings Project on US relations with the Islamic World, Analysis Paper. Washington, D.C. : Brookings Institution, 2015, 65 p.
- Börzel T. Organizing Babylon on the different conceptions of policy networks. *Public administration*. 1998, Vol. 76, N 2, P. 253–273. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00100>
- Castells M. *Communication power*. Moscow : HSE, 2013, 564 p. (In Russ.)
- Cohen J. *Deliberation and democratic legitimacy*. In: Hamlin A., Pettit P. (eds). *The good Polity* Oxford : Blackwell, 1989, P. 17–34.
- Fischer F., Miller G.J. (ed.). *Handbook of public policy analysis: theory, politics, and methods*. Boca Raton, FL : CRC press, 2006, 668 p.

* Nosikov Andrey, independent researcher, e-mail: a.a.nosikov@gmail.com

- Gatov V. The future of journalism. In: Amzin A., Galustyan A., Gatov V. (eds). *How new media changed journalism 2012–2016*. Yekaterinburg : Humanitarian University, 2016, P. 206–268. (In Russ.)
- Ghonim W. *Revolution 2.0*. Saint Petersburg : Lenizdat, Team A, 2012, 352 p. (In Russ.)
- Glaser S. *Rechtsextremismus online – beobachten und nachhaltig bekämpfen*. Mainz : 2014, 20 p.
- Habermas J. *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*. Moscow : Ves' mir, 2016, 344 p. (In Russ.)
- Habermas J. *The theory of communicative action*. Beacon press, 1984, 512 p.
- Hall W., Tinati R., Jennings W. From Brexit to Trump: Social media's role in democracy. *Computer*. 2018, Vol. 51, N 1, P. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.1109/mc.2018.1151005>
- Hecló H. *A Government of strangers*. Washington D.C. : Brookings, 1978 b, 272 p.
- Hecló H. Issue networks and the executive establishment. *Public Adm. Concepts Cases*. 1978 a, Vol. 413, P. 46–57.
- Hobbes T. *Leviathan or Matter, form and power of the state, ecclesiastical and civil*. Moscow : Mysl', 1991, 731 p. (In Russ.)
- Hoffman A., Schweitzer Y. Cyber Jihad in the Service of the Islamic State (ISIS). *Strategic assessment*. 2015, Vol. 18, N 1, P. 71–81.
- Jordan A.G., Richardson J.J. *Government and pressure groups in Britain*. Oxford : Oxford university press, USA, 1987, 308 p.
- Jordan G. Sub-governments, policy communities and networks: refilling the old bottles? *Journal of theoretical politics*. 1990, Vol. 2, N 3, P. 319–338. DOI: <https://doi.org/10.1177/0951692890002003004>
- Keane J. *Democracy and media decadence*. Moscow : HSE, 2015, 312 p. (In Russ.)
- McLuhan M. *The Gutenberg galaxy*. Kiev : Nika-Center, 2004, 432 p. (In Russ.)
- McLuhan M. *Understanding media. The extensions of man*. Moscow : Hyperborea, 2007, 464 p. (In Russ.)
- Nosikov A. *Interfacing network environment and political reality in the modern Russian Federation*. PhD Thesis. Moscow : Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2020, 262 p. (In Russ.)
- Rheingold H. *Smart mobs: the next social revolution*. Moscow : Fair-Press, 2006, 416 p. (In Russ.)
- Richardson J.J., Jordan A.G. *Governing under pressure: the policy process in a post-parliamentary democracy*. Oxford : Martin Robertson, 1979, 212 p.
- Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow : Exmo, 2018, 208 p. (In Russ.)
- Schneider A.L., Ingram H.M. *Policy design for democracy*. Laurence, USA : University press of Kansas, 1997, 256 p.
- Sergeev S., Paderno P., Nazarenko N. *An introduction to designing intelligent interfaces*. Saint Petersburg : ITMO University, 2011, 108 p. (In Russ.)
- Smorgunov L. Political networks, information technology and public administration: the transition from the concept of “e-Government” to “e-Governance”. In: *Information society technologies – Internet and Modern Society: Proceedings of the VIII All-Russian United Conference*. Saint Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, 2005, C. 8–11. (In Russ.)

- Thatcher M. The development of policy network analyses: From modest origins to overarching frameworks. *Journal of theoretical politics*. 1998, Vol. 10, N 4, P. 389–416. DOI: <https://doi.org/10.1177/0951692898010004002>
- Zuckerman E. *Rewire: digital cosmopolitans in the age of connection*. Moscow : AdMarginem Press, 2014, 320 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
- Гатов В.* Будущее журналистики // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов [и др.]; под науч. ред. С. Балмаевой и М. Лукиной. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – С. 206–268.
- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1991. – 731 с.
- Гоним В.* Революция 2.0. – СПб. : Издательская группа «Лениздат» ; «Команда А», 2012. – 352 с.
- Кастельс М.* Власть коммуникации. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
- Кин Д.* Демократия и декаданс медиа. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.
- Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. – Киев : Ника-Центр, 2004. – 432 с.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. – М. : Гиперборея, 2007. – 464 с.
- Носиков А.А.* Сопряжение сетевого пространства и политической реальности в условиях современной Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. – М. : РАНХиГС, 2020. – 262 с.
- Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.
- Сергеев С.Ф., Падерно П.И., Назаренко Н.А.* Введение в проектирование интеллектуальных интерфейсов. – СПб. : ИТМО, 2011. – 108 с.
- Сморгунов Л.В.* Политические сети, информационные технологии и публичное управление: переход от концепции «e-Government» к «e-Governance» // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды VIII Всероссийской объединенной конференции. – СПб : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. – С. 8–11.
- Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. – М. : Весь мир, 2016. – 344 с.
- Цукерман Э.* Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. – 320 с.
- Шваб К.* Четвертая промышленная революция. – М. : Эксмо, 2018. – 208 с.